

Лидия Чарская

Дурнушка

Лидия Чарская

Дурнушка

«Public Domain»

1907

Чарская Л. А.

Дурнушка / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1907

В повести рассказывается о некрасивой девушке, которой все же улыбнулось счастье быть любимой. Но сможет ли она сохранить его?

© Чарская Л. А., 1907

© Public Domain, 1907

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	7
III	9
IV	11
V	13
VI	14
VII	15
VIII	17
IX	19
X	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лидия Алексеевна Чарская

Дурнушка

Часть первая

I

Сегодня исполнился ровно год, как я вышла из института. Я проснулась утром со странным чувством ожидания: что должно было случиться нынче со мною? Ах, да! Мне минуло семнадцать лет. Возраст немаленький для молодой девушки.

Tante Lise, старая княжна Горянина, воспитывавшая меня со смерти отца, поздравила меня, и надела мне хорошенький медальон на шею, прелестную золотую вещицу, украшенную камнями.

– Вот, chere Тася, – сказала ma tante, – носите эту фамильную драгоценность. Она должна принести вам счастье.

Потом она спросила меня, намерена ли я продолжать писать свой дневник, как прежде.

– Разумеется, ma tante, – поспешила я ответить, – но только я не буду делать этого изо дня в день, как в ранней юности. Я стану отныне записывать только то, что случится со мною особенное, из ряда выходящее. Или мои впечатления, а также то, что захватит мое внимание.

– Oh, ma chere, – улыбнулась тетья, – в таком случае, ваша тетрадь окажется совершенно пустой, так как в жизни светской барышни не должно происходить ничего особенного и ничего исключительного, чтобы могло выбить ее из колеи.

Вот взгляд моей тети: светскую барышню ничто не должно выбивать из колеи. Жизнь такой девицы, по ее мнению, это медленно, важно и гладко катящаяся по рельсам машина.

Но в таком случае, моя жизнь должна быть очень скучной, судя по словам тети. Посмотрим.

Сегодня мне особенно хочется записать некоторые впечатление.

С утра я надела мое белое платье, как и подобает новорожденной и долго смотрела на себя в зеркало.

Я очень дурна собою. Я почти безобразна, а между тем полна громадных запросов самолюбия и юных надежд на что-то светлое, чудесное, прекрасное.

Несмотря на всю несправедливость судьбы, обидевшей меня, так жестоко, создав некрасивой, я все же не теряю надежды, все же смутно предчувствую, что не все зиждится на красоте, что люди благоразумны, добры и способны оценить меня за одни мои душевные качества, забыв эту злосчастную внешность.

О, эта внешность!

Чем больше я на себя смотрю, тем больше мой вид раздражает меня.

Как-то недавно я видела пьесу, героиня которой выведена некрасивой... Она мучилась и терзалась не меньше меня. А зрители кашляли и сморкались, потому, что публика предпочитает блестящие костюмы и эффектную внешность глубокой философии, несущейся от рампы.

А я плакала... да, плакала, искренно жалея несчастную девушку и себя вместе с нею.

Между мною и героиней пьесы образовалась точно какая-то таинственная связь, доводившая меня до отчаянной грусти, смешанной с дозой некоторого умиления.

«Когда женщина некрасива, про нее говорят, что у нее умные глаза», – говорила девушка со сцены, заставляя биться и рыдать мое сердце.

Увы! я даже не могла и это сказать про себя, потому, что мои глаза, маленькие и узкие, как у калмычки, вечно пристыженные, вечно подозрительные и недобрые, не могли украсить мое лицо...

А, между тем, я сама добра по натуре. Я делаю много хорошего, не ставя себе этого в заслугу, потому, что не может быть и речи о заслуге, когда тобой руководит потребность. А у меня потребность делать добро.

Моя кузина, маленькая княжна Горянина, смеется надо мною:

«Наша Тася очень тщеславна. Ей хочется, во чтобы то ни стало, чтобы все ее любили».

И она тысячу раз права, хорошенькая Лили! Когда я даю бедной измученной ревматизмами старухе теплую одежду и пакет с чаем и сахаром или одеваю на исхудалые ножонки малютки-нищей теплые мягкие валенки, мне кажется, что я читаю восторг по моему адресу в их загорающихся благодарностью взорах.

Мне кажется, что они забывают о моем уродстве и видят во мне желанную посланницу судьбы. И тогда сама я забываю о том, что нос мой слишком длинен и широк, рот велик, как у лягушонка, а глаза так малы и ничтожны, что в них трудно заметить какое бы то ни было выражение.

И я бываю очень счастлива в такие минуты.

Почему писатели всех стран и народов мира описывают и восхваляют только красоту?

Их героини всегда прекрасны и красивы... Фразы вроде того, как: «она была красавица в полном смысле слова», или «она была очень хорошенькая», или «отсутствие красоты заменяла в ней чрезвычайная миловидность», – неизбежное достояние каждого произведения. Почему некрасивым женщинам уделяют только второстепенное место в романе или повести? Они, как вторые сюжеты на сцене, появляются на мгновение и сейчас же исчезают. Точно читатели – это зрители, которых утомит слишком долгое присутствие некрасивого лица на страницах романа.

Да, и я не оспариваю мнение, сложившегося с веками: красота – великая сила.

Но какая красота? Разве душа не может быть красива, прекрасна?! Во сто раз прекраснее лица!?

Сколько раз давала я себе слово похоронить все мои надежды на счастливое будущее, свыкнуться со скромной долей никому ненужной девушки и всю мою жизнь посвятить моим бедным, ничего не требуя, ни к чему не стремясь и ничего не жалея! А между тем мое сердце сладко сжимается, светлые грезы толпятся в голове и грудь ноет от смутного и неведомого предчувствия далекого, туманного счастья...

II

Вчера был вечер в доме моей родственницы. За мной заехала со своей компаньонкой моя кузина Лили, прошлой весной окончившая институт вместе со мной.

Я не люблю входить в бальный зал рядом с нею. Лили красавица в полном смысле слова и этим как бы подчеркивает еще больше мое безобразие, когда мы бываем где-нибудь вдвоем.

Но tante Lise хотела, чтобы я выезжала с моей очаровательной кузиной и ее компаньонкой, и я поспешила исполнить волю тети.

На меня надели бальное платье, очень дорогое и очень скромное на взгляд. Tante Lise всегда старается одеть меня так: очень дорого и очень скромно.

Платье жало подмышками, но я боялась говорить об этом, потому, что портниха-француженка, то и дело сочувственно-насмешливо поглядывала на меня во все время примерки. Мне так и казалось, что вот-вот она скажет: «Rien ne peut aller a une personne, aussi laide que sa»*.¹ Но портниха ничего не говорила, потому, что брала сто рублей за фасон. Я напрасно боялась.

Когда Лили увидела меня всю в белом с веткой нарцисса на черных жестких волосах, она вскинула лорнетку на свой хорошенький носик, причем глаза ее сделались любопытными и круглыми, как у совы.

– Pas mal du tout,² – процедила она сквозь зубы в то время, как ее круглые глаза говорили: «Можно ли быть настолько безобразной, бедная Тася!»

И тотчас она стала торопливо натягивать перчатки на свои точеные пальчики.

Я поспешила в прихожую, стараясь не поднимать глаз, чтобы, не поймать своего изображение в попадавшихся мне по пути зеркалах.

Бал у баронессы X. всегда считался лучшим балом сезона. Ее дом – один из первых домов в столице.

Когда мы вошли в зал, там собралось уже много гостей. Это меня порадовало. Я не люблю приезжать из первых, потому, что в маленьком обществе мои недостатки выступают рельефнее.

Нас встретила дочь хозяйки добрая, милая девушка баронесса Кити с поэтичным лицом Ундины и совершенно золотыми волосами. Она крепко пожала мне руку и выразила надежду, что я не буду скучать.

Но в этот вечер судьба мне решительно не благоприятствовала. Был ли тому виною нарядный костюм Лили, присланный на днях из Парижа, или ее зазорное хорошенькое личико, но все внимание зала, когда мы входили, было обращено на нас.

Побледневшая под этим перекрестным огнем насмешливых и любопытных взглядов, пробиралась я, поминутно спотыкаясь о чужие шлейфы, в дальний уголок зала.

Здесь было меньше народа. И, спрятавшись за трельяжем, я могла, никем не замеченная, наблюдать за тем, что происходило кругом.

Это был чудесный бал. У нас в институте не было ничего подобного. Я не видела на наших казенных балах ни такого оживленья, ни таких роскошных костюмов. А музыка? Мне искренне казалось, что маленький человек, сидевший за роялем, играл, как Рубинштейн, все эти вальсы, мазурки и кадрили.

Обо мне все позабыли, и я могла спокойно наблюдать и за всем происходившим вокруг меня.

Вот несется Вива, брат Лили, красивый, нарядный паж, очень веселый и остроумный.

¹ Никто не пойдет к такой некрасивой особе.

² Совсем не дурно.

Он плавно кружится по паркету в такт чудной музыке со своей дамой – стройной, бледной девушкой баронессой Х.

Вот несется в вихре вальса с высоким офицером, его сестра, разгоревшаяся от танца, сияя светлыми глазками.

И я люблюсь ею и завидую ей.

Как я хотела бы иметь ее изящный облик, чтобы обладать правом нестись так, в вихре вальса, как беспечная птичка или мотылек.

– M-elle Natalie, вы не танцуете второй кадрили?

Я вздрагиваю от неожиданности. Передо мной Кити с доброй улыбкой и веткою иммортели на темных волосах.

– Нет, – говорю я, и лицо мое выражает страдание.

Я постоянно страдаю, когда мне подводят кавалеров. Как-то раз, шутя и дурачась, Вива изображал в лицах, как любезная хозяйка дома чуть ли не насильно подводит кавалеров для некрасивых девиц, усевшихся вдоль стенок в бальной зале. Это было так забавно, что все смеялись, позабыв, очевидно, о моем присутствии.

Потом, когда опомнились, было уже поздно. Я рыдала навзрыд, а Вива, проклиная свою неосторожность, просил у меня прощение. Но исправить сделанное было нельзя.

С тех пор я смотрю на представляемого мне кавалера, как на своего личного врага, и тут же попутно негодую на tante Lise, заставляющей меня ездить по балам, которые я ненавижу.

И опять прежняя пытка.

Молоденькая баронесса подводит ко мне какого-то штатского со стеклышком в глазу и бриллиантовой булавкой, в модном галстук.

– Enchnte, mademoiselle,³ – говорит он заученную фразу, но лицо его выражает при этом такое откровенное отчаяние, что, как мне не горько на душе, хочется смеяться.

И я желая быть доброй, спасаю штатского со стеклышком в глазу и бриллиантовой булавкой.

– Милая Кити, – говорю я молодой баронессе, – у меня болит голова. Позвольте мне посидеть в вашем будуаре?

И, не дождавись ее ответа, я извиняюсь перед моим кавалером, и выхожу из зала.

Не знаю, почудилось мне или нет, но из груди последнего, кажется вырвался вздох облегчения и понесся вдогонку за мною, как знак благодарности за доброе дело.

³ Я восхищен.

III

Будуар Кити полуосвещен. Маленький японский фонарик обливает мягким светом голубую комнатку, похожую на бонбоньерку, с трельяжами и козетками, всю утонувшую в коврах, картинах и гобеленах. Сюда смутно долетают отдаленные звуки музыки. На расстоянии поющая мелодия кажется милее и приятнее слуху. Голубоватый полумрак располагает к мечтательности. В подобные минуты я всегда вспоминаю моего отца.

Матери я не помню, она умерла, когда я была совсем крошкой.

Мой отец обожал мою мать и с ее смертью всю свою громадную любовь к ней перенес на меня.

Я помню его отлично. Он, как живой, стоит передо мною. Какое у него было всегда печальное лицо! Какие глаза, прекрасные и грустные в одно и то же время! Он был очень некрасив, мой бедный папа, но нимало не скорбел об этом.

– Мы дурны лицом с тобой, Тася, – часто говорил он мне, – так постараемся же быть добрыми!

Тут-то он и поселил в моем сердце эту великую любовь к меньшей братии. Он сам помогал ей, сам входил в нужды несчастных и, не состоя членом ни одного благотворительного учреждения, сделал столько добра людям, сколько все эти общества, вместе взятые, не могли бы сделать во все их долгое существование.

Отец был очень богат. Но с его смертью все огромное состояние пошло на бедных, кроме ста тысяч, оставленных мне, согласно завещание покойного.

У меня при одном воспоминании об отце навертываются слезы на глаза и сердце наполняется сладкой тоскою.

Милый, дорогой папа, если б ты был жив, у меня была бы цель жизни – беречь и лелеять твою старость! Теперь она бесцельна, моя жизнь! Я прозябаю среди холодного общества, и только помощь бедным доставляет мне некоторое удовлетворение и примиряет меня с моей тяжелой долей.

Tante Lise печется и заботится обо мне, но я никак не могу привыкнуть к ее холодному тону настоящей светской дамы, хотя знаю, что она по-своему и любит меня.

В полутемном будуаре стало светло на мгновение, Дверь широко распахнулась и тотчас захлопнулась.

В комнату вошла Лили, с одной из своих светских приятельниц, миловидной барышней, очень нарядно одетой.

Она быстро окинула взором темные уголки будуара и, не заметя меня, притаившуюся в уголку, с тихим шаловливым смехом упала на кресло.

– Ах, как весело! Как весело! – лепетала она. – Какой чудесный бал сегодня!

– Вам и не может быть скучно ни на одном балу, – любезно произнесла ее собеседница, – вы такая изящная, хорошенькая, веселая. Все так охотно выбирают вас танцевать. Вы царица бала нынче и должны быть очень счастливы, Лили?

– Да. Я счастлива и обожаю жизнь. Люблю до безумия все эти балы, выезды, танцы. Ах, как весело, как приятно жить! Как приятно сознавать, что тебя любят, ты нравишься, что любят тебя тобою. Я не знаю, что бы случилось со мною, если бы меня лишили всех этих веселых выездов. Право, мне кажется, что жизнь – это один сплошной праздник, такой приятный и веселый.

– Ну, положим не для всех, – выронила ее приятельница, – есть много людей, которым жизнь кажется печальными, серыми буднями.

– Вы говорите о бедных? – вскользь произнесла Лили, заглядывая в зеркало и поправляя прическу.

– Ну, и не все богатые бывают счастливы. Вот, например ваша кузина. Мне ее сердечно жаль!

– Какая кузина? – удивилась Лили.

– Да эта бедная дурнушка княжна Тася. Вот чья песенка спета, можно сказать!

– Да! Я ей удивляюсь, да и tante Lise тоже! К чему вывозить несчастного ребенка? Каждый бал для нее – новый удар по самолюбию. Ведь с нею никто не танцует. Она так дурна и неуклюжа притом.

– Обладая такой внешностью, я, не долго думая, поступила бы в монастырь! – с большой убедительностью произнесла ее подруга. – Однако, пойдем в залу. Сейчас начнут котильон.

И они вышли из будуара, весело смеясь и болтая. А я сидела все на том же месте, уничтоженная, пришибленная в конец. Судьбе угодно было подчеркнуть еще раз мое несчастье. Да, они правы!

Я знала давно, что я дурнушка, и все это не было для меня новостью, но почему-то сегодня мне особенно больно было услышать об этом еще раз. Я только что успела забыть под звуки чудных бальных мелодий, при виде стольких нарядных красивых пар, искренно отдающих веселью. И вдруг... новое неприятное напоминание. А что если и правда уйти в монастырь? Что если сделать это, отдав моим бедным в полное владение мое стотысячное приданое?

Увы! я для этого еще слишком молода. Я люблю природу, жизнь – как это ни странно, я, падчерица судьбы, и мне страшно подумать очутиться запертой в четырех стенах монастыря.

Я вышла с заплаканными глазами, с красными веками из будуара Кити и стала просить компаньонку Лили мисс Грей отвезти меня домой.

IV

Всю ночь я металась, как в лихорадке; мое лицо и тело горели, в голове стучало, а сердце так остро и часто сжималось, что мне казалось, вот-вот оно разорвется на тысячу частей.

Разговор Лили и ее подруги не выходил у меня из головы. Мне было обидно на судьбу до боли. И опять я завидовала Лили. Чтобы случилось со мною, если бы я очутилась в силу несбыточной случайности на месте Лили – такой хорошенькой, изящной и веселой?

С трудом я забылась на некоторое время и тут-то картины одна другой пленительнее представлялись моим глазам.

Я видела себя красавицей, окруженной толпой наперсниц, очаровательной сказочной принцессой. Я жила в роскошном дворце, гуляла по тенистому саду и толпа миловидных прислужниц смотрели мне в глаза, готовые предупредить малейшее мое желание.

И вот, мне докладывают о певце-чужестранце, пришедшем взглянуть на меня из далеких, далеких мест.

Он много слышал о моей красоте и о добром милосердном нраве и полюбил меня заочно, как далекую грезу своих дум.

И увидя меня, исполненный восторга запел в честь мою песню, чудесную песнь о своей любви.

Он сравнивал меня в этой песне и с алой розой, расцветшей на кусту, и с белой лебедью, плавающей по пруду, и с золотой звездочкой на далеком небе.

И с каждым словом его песни, аккомпанируемой струнами лютни, что-то вливалось в мое сердце и заставляло его трепетать от счастья.

Да, я любила во сне моего певца! И когда он кончил свою песню, я протянула ему руки и усадила на трон рядом с собою.

И я выбрала его принцем той чудесной страны, которою владела.

Мои хорошенькие прислужницы поздравляли нас, танцевали на радостях и водили с пением хороводы.

А я и мой принц-жених сидели рядом любуясь друг другом и тихо беседовали о нашей любви и нашем счастье.

Серое утро чуть брезжило в узкую полоску между двух плохо сдвинутых половинок драпри, когда я проснулась.

Я не поняла с минуту, где я и что со мною... Безжалостная действительность перенесла меня снова в мое настоящее, серое и тоскливое, как это чуть брезжащее утро. Еще голова моя была полна чудесных образов только что виденного во сне, а сердце уже рвалось на части от острого прилива отчаяния. И вот, не отдавая себе отчета, я вскочила с постели и, как была, в одной сорочке, присела к письменному столу и стала заносить на чистые странички записной книжки мой чудесный сон в связи со вчерашней беседой моей кузины и ее подруги, мое печальное пробуждение, разбитые надежды, – словом, все, все испытанное мною в эти сутки. Не переставая ни на минуту, дрожа от холода и волнения, я писала не отрываясь, не отводя воспаленных глаз с плавно текущих строчек.

Слово за словом, строка за строкою, лист за листом мелькают буквы дробного и красивого почерка, и через три-четыре часа усиленной работы моя повесть была готова.

Безотчетным движением руки, точно под чужим влиянием, поставила я в заглавной строке: «Сон девушки», и стала читать.

Что то донельзя правдивое, мощное, сильное и красивое полилось из моих уст. Я усилила голос и стала читать громче и громче. Невольный восторг охватил меня.

Да полно! Я ли это написала? Боже мой!

Эта чудесная, полная блеска и красоты, правдивая сказка, вызывающая жгучие слезы участия и восторженные порывы восхищения, была написана мною. Слезы брызнули из моих глаз. Я задышалась.

Простая, несложная исповедь бедного некрасивого светского урода, девушки, переживающей тяжелые годы в полном духовном одиночестве, но с горячими запросами жизни и розовыми надеждами, поддерживающими ее. И этой девушке снится сон, полный прелести счастья.

Этот сон, как по мановению волшебного жезла, превращает ее в красавицу, любимую и лелеемую всеми.

Но с первыми же минутами пробуждения она снова окунается в печальную действительность и переживает весь ужас разочарования.

И все. Но это «все» прекрасно и это «все» было написано мною – бедной, ничтожной, дурнушкой, маленькой княжной Тасей!

Господь Великий и Милосердый! Ты не дал мне красоты, не дал счастья!.. Ужели же мне предстоит большее?.. Неужели в награду за все мои страдания Ты подарил меня лучшим сокровищем в мире – талантом, перед которым красота и богатство кажутся жалкими, ничтожными, пустыми звуками, и только...

V

– Что с вами, милая Natalie? У вас такое странное лицо!

Tante Lise, сухая и важная старуха, говорила «вы» решительно всем на свете, кроме своей старой камеристки, Вареньки, и не менее ее старой моське Женни.

Я посмотрела в зеркало.

Действительно, лицо мое пылало, а глаза разгорелись, как угольки. Но ни румянец, ни блеск глаз нимало не скрасили моих грубых черт, ни моей убийственной желтой кожи. Я еще не остыла от моего недавнего волнения, глаза не высохли от счастливых слез, вызванных действием неожиданного и сильного прилива вдохновения, когда я прерывающимся голосом прошептала, заикаясь и краснея:

– Я написала повесть!

Tante Lise не расслышала. Она собственноручно привязывала к ошейнику Женни серебряный колокольчик и, чуть-чуть повернув ко мне голову, проронила вопрошающе:

– Гм?..

Я должна была повторить.

Когда она, наконец, поняла меня, то удивленно приподняла брови и сказала спокойно:

– Очень мило. Вы прочтите мне ее после обеда.

Мне казалось, что это известие должно было поразить, ошеломить tante Lise. Тася – писательница! Тася написала повесть! А вместо того какое-то тупое равнодушие в ответ.

– Вы прочтете ее мне, – и уже тоном приказания, переводя разговор на французский язык, чтобы не услышал лакей, подающий нам чай, tante Lise добавила, – только не болтайте об этом много, а главное, чтобы ни Лили, ни Вива не знали... Они будут смеяться. Писать повести это не наше с вами дело, милая Тася!

Боже мой! Не мое дело! А если я – талант, если то, что я написала, прекрасно? Если я дрожала и замирала от восторга при чтении написанного мною так же точно, как и при чтении великих писателей – Гоголя, Пушкина, Лермонтова и Толстого? Нет, не следовало мне говорить это tante Lise, она не поняла и не оценила меня и не может понять ничего, кроме своих интересов, накрепко замкнутых в тесный круг светской жизни! И сейчас, не остывшую еще от лихорадки первого творчества, она начинает забрасывать меня праздными вопросами по поводу вчерашнего вечера: много ли я танцевала? любезно ли относилась ко мне хозяйка дома и какие туалеты были на княгине Д. и баронессе Е.?

Мне становилось больно от ее вопросов. Мои мысли были полны «Сном девушки» и сама я витала так далеко от земли. Но я села подле tante Lise и дала ей подробный отчет о проведенном мною на балу вечере, стараясь, однако, не промолвиться о том, что все вальсы и даже грандиозный котильон, дирижируемый Вивой, я просидела в полуосвещенном будуаре молодой баронессы, никому не нужная и позабытая всеми.

VI

– Это написали вы? Судорога сжала мне горло, и я с трудом ответила:

– Да.

Маленький, подвижной и юркий старичок редактор недоверчиво повел на меня поверх очков своими быстрыми глазками и, положив руку на первый лист моей тщательно в третий раз переписанной рукописи, проговорил медленно, точно взвешивая каждое слово:

– Но вы и не подозреваете, мадемуазель, того, что вы написали что-то очень хорошее. Вы работаете давно?

– В первый раз.

– Как в первый раз? – приподнялся он на стуле.

– Я хотела сказать, что это моя первая повесть.

– Прекрасная вещь! Удивительно, что начинающая писательница, да притом еще такая юная, могла написать что-либо подобное. Мне остается поправить лишь некоторые технические стороны произведения, и только.

– Неужели же?.. – начала я дрожащим голосом.

– Вещь написана, если можно так выразиться, кровью и нервами... Тема тоже далеко не избитая, и мы охотно поместим ваш рассказ на страницах нашего журнала. Да, вам небезынтересно знать, конечно, условия гонорара? Мы платим по восемьдесят рублей за печатный лист. Эти условия могут вас удовлетворить?

Я невольно улыбнулась.

– Мне не надо гонорара, – произнесла я, мучительно краснея. – Я богата, отдайте мой гонорар нуждающимся.

– Этого нельзя, – улыбнулся в свою очередь, старик-редактор, и его лицо стало отечески-ласковым и добрым. – Вы можете это сделать сами, но редакция не смеет эксплуатировать труд своих сотрудников.

– Хорошо, – прервала я его, тут же решив вырученные деньги отдать моим бедным.

Первый успех вскружил мне голову. Я не помню, как я вышла из кабинета редактора, куда попала под видом прогулки, в сопровождении Вареньки, ждавшей меня на подъезде редакции, как прошла мимо маленьких клетушек с письменными столами, за решетчатыми стенками которых сидело и писало до десятка мужчин и женщин разных видов и возрастов.

– Что то пело и ликовало внутри меня.

– Я – талант! – тихонько произносили мои губы. – Я – талант! Я написала вещь, которая «прекрасна», которая вылилась «нервами и кровью» и которую прочтет вся Россия, прочтут tante Lise, Лили, и Вива, может быть, наравне с другими первоклассными писателями, печатающими статьи и рассказы на столбцах этого толстого журнала. И это написала я, бедная дурнушка Тася, с длинным носом и огромным ртом! И читая мою повесть, мой чудесный любимый «Сон девушки», они, эти люди, забудут, что я безобразна, и увидят во мне новую красоту, с которой не сравнится никакая красота в мире... Я талантлива!..

VII

«Сон девушки» вышел в свет в январской книжке толстого журнала.

Я не помнила себя от восторга.

Княжна Тася Горянина спряталась под псевдонимом «Подснежника», но все узнали, по милости Лили, кто автор интересной повести. Tante Lise в первую минуту пришла в ужас. На ее взгляд каждая писательница должна быть очень крикливой, обладать дурными манерами, грязными ногтями, стриженной головой, и курить папироски. Она со страхом приглядывалась к моим рукам и облегченно вздыхала, замечая, что мои пальцы по прежнему чистоplotны, а волосы уложены в строгую и скромную прическу.

Старая княжна, по-видимому, примирилась с печальной необходимостью иметь внучкой писательницу, но ставила мне лишь в условие отнюдь не затрагивать великосветских сфер в моих будущих произведениях.

– Больше из мира фантазий и сказок выбирайте себе сюжеты, – советовала мне tante Lise.

Приезжала Лили, нарядная, красивенькая и веселая, как птичка, и, насмешливо щуря свои круглые глазки, хвалила мою повесть. Она, очевидно, пробежала ее, как легкую безделку, и ничего особенного в ней, разумеется, не заметила. Остальные мои приятельницы тоже.

Только одна златокудрая баронесса Кити сочувственно и печально улыбнулась, пожимая мне руку.

Эта поняла меня, поняла, что «Сон девушки» – не простой рассказ, а правда, выхваченная из жизни, и я почувствовала невольную благодарность и симпатию к милой девушке.

Когда вторично я приехала в редакцию, уже по вызову самого редактора, для получения гонорара, прежней трусости и робости во мне не осталось и следа. Проходя мимо клеточек, за решетками которых работали молодые, пожилые и старые люди, мужчины и женщины, я уже не опускала глаз, как раньше. Напротив, я твердо и смело отвечала на недоумевающие и любопытные взгляды и глаза мои говорили за меня:

«Ну да, я и есть „Подснежник“, написавший мою прекрасную повесть, которой восхищаются теперь, может быть, вся Россия и восхищались, конечно, и вы все, только не смееете мне высказать это».

Старик-редактор был не один. Спиной к огромному окну, сплошь заваленному разными изданиями, стоял еще молодой человек, с красивым нервным, несколько усталым лицом и черной вьющейся бородкой.

У него были прекрасные, смелые, открытые глаза, глядевшие, казалось, в самую душу. От таких глаз ничего не скроешь, они созданы, чтобы видеть правду и ложь.

Когда я вошла, оба собеседника сразу умолкли. В руках молодого человека была книжка журнала, открытая на первой странице моего рассказа.

«Значит, они говорили о моей повести!» – вихрем пронеслось в моей голове и я мучительно покраснела.

– А-а! весьма кстати! – ласково приветствовал меня, как старую знакомую, редактор. – Садитесь, княжна, гостьей будете, – шутливо добавил он и придвинул мне кресло. – Ну-с, как вы себя чувствуете, молодая писательница? Сколько раз прочли ваш «Сон девушки» в печатном виде?

– Нет, – солгала я храбро, чтобы не показаться слишком глупой в глазах незнакомого молодого человека, – я не успела еще его прочесть.

А сама, по крайней мере, раз десять подряд пробежала мою повесть в первый же день ее выхода из печати.

– Напрасно, – улыбнулся редактор, не поверив мне, конечно, ни на минуту. – А вот Сергей Вадимыч, – он чуть-чуть кивнул в сторону незнакомца, – читал, два раза читал и специ-

ально пожаловал к нам затем, чтобы узнать имя автора. Но мы скромны и немы, как рыбы, – шутил старик, – имя автора, скрывающегося под псевдонимом, – тайна редакции!.. Творец «Сна девушки» – некий «Подснежник», и этого вполне достаточно для любопытных читателей.

Я метнула незаметно взгляд в сторону молодого человека.

Он был серьезен. Его прекрасные глаза смотрели поверх моей собольей шапочки, но я чувствовала и сознавала, что он видит меня, не глядя на мое лицо, и мысль обо мне как об авторе «Сна девушки» гнездится в этой красивой голове.

Наступило томительное молчание. Редактор понял мою неловкость в присутствии незнакомого третьего лица и поторопился представить мне молодого человека. Слегка протянув правую руку в его сторону, он проговорил, старательно отчеканивая слова:

– Сергей Вадимович Водов.

Водов? Где я слышала эту фамилию? Решительно не помню, но она мне знакома и хорошо знакома – это я поняла сразу.

Я молча ответила на его почтительный, даже слишком почтительный, как мне показалось, поклон. Он же, бросив две-три незначащие фразы редактору, вышел из кабинета, поклонившись мне вторично.

– Кто это? – не утерпела я не спросить.

– Разве не знаете? Стыдитесь, княжна! Это новое восходящее светило на нашем литературном небе: писатель Водов.

– Писатель?

– Да, беллетрист, но и поэт отчасти.

Поэт? Теперь я вспомнила о нем. Стихи Водова мне попадались часто в разных периодических изданиях. Одно из них я помнила отлично – это было дивное описание итальянской ночи, с прекрасными лагунами и темным небом. Старая тема, но выраженная так жизненно, с такой блестящею красотой и яркостью красок, что, казалось, строки мелодичных куплетов и звонкие рифмы стиха были пропитаны знойной венецианской красавицей природой.

– Так это Водов, автор «Ночи в лагунах», – протянула я не то радостно, не то удивленно и, прежде чем редактор успел мне ответить, продекларировала первый куплет.

– Как, вы даже знаете наизусть? – удивился он. – Непременно поздравлю Сергея Вадимовича с новой почитательницей его музыки, да еще такой талантливой, как вы!

– Нет, нет, не говорите! – испугалась я.

Мне живо представились насмешливо вскинутые на меня, жалкую дурнушку, глаза поэта.

И всю дорогу от редакции до дома я, помимо воли, не переставала думать о талантливом человеке со смелыми черными глазами, обладающем таким огромным талантом.

VIII

Как-то раз, гуляя по набережной, в сопровождении неизменной Вареньки, заменявшей мне компаньонку, я встретила Водова. Он шел быстро и легко, свободной молодой походкой. Увидя меня, он тотчас же прибавил шага и подошел ко мне просто, как к старой знакомой.

– Здравствуйте, – чуть-чуть приподняв круглую меховую шапочку, произнес он.

Я смутилась. Смутилась, во-первых, потому, что не ожидала его увидеть, а во-вторых, от присутствия Вареньки, удивленно вскинувшей на незнакомого ей господина свои подслеповатые глазки. Но отступить было поздно. Водов освободил свою правую руку от теплой перчатки и протянул ее мне.

Я робко подала свою.

– Славный день, – проговорил он и пошел рядом со мною, стараясь соразмерить свои шаги с моими.

На набережной было много знакомых, проезжающих в экипажах и прогуливающих по гранитным плитам берега, и все они, как мне, по крайней мере, казалось, и мужчины, и дамы, с одинаковым изумлением поглядывали на меня и незнакомого им моего спутника.

Сначала я смущалась и краснела ежеминутно, но Водов сумел заставить меня позабыть и о праздной толпе, и о досаждающих взглядах, просто сказал:

– Я прочел вашу повесть.

– И? – замирая от волнения, спросила я.

– И... не поверил, что это написали вы, – в тон мне отвечал он с улыбкой.

– Но почему?

– Во-первых, простите, но в ней не видно молодости... Такую вещь должен был бы написать очень долго проживший на белом свете и много горя видевший от жизни человек. Каждая строка в нем, в вашем «Сне девушки», дышит правдой, но такой болезненной, такой вымученной правдой, которую трудно ждать от такого ребенка, как вы. И потом, многие штрихи так яркие и сильны, что повесть производит сильное впечатление.

– Но уверяю вас, – рассмеялась я невольно моему оправданию, – эта вещь написана мною!

– Верю и радуюсь! Ваш «Сон» – вещь далеко не обыкновенная, к тому же талантливая...

Предсказываю вам, со временем вы будете большая знаменитость.

Он улыбнулся, но глаза его были серьезны, почти строги. У меня захватило дыхание.

– А мне чуть ли не запретили писать, – через минутное молчание пожаловалась я.

– Кто?

– Близкие... Tante Lise, моя воспитательница.

– Вы сирота?

– Да.

– И богатая сирота, потому что отказывались от гонорара, как мне передавал редактор, – и глаза его насмешливо сощурились.

– Ну, да, – пробормотала я, – мне казалось, что есть много людей... писателей... нуждающихся, бедных, которым нужны деньги, а я, вполне обеспеченная, слишком даже, отбиваю у них заработок.

– Вот вы какая добрая! – улыбнулся Водов. – У нас редко кто заботится о других. Потому-то и нет настоящего счастья на свете. Люди завидуя друг другу, теснят один другого, мешают жить друг другу. А между тем мир велик и места, и дела всем хватит. Если бы я писал так молодо, свежо и сильно, как вы написали ваш «Сон девушки», я был бы очень счастлив.

– Но вы так чудесно пишете сами! Вы написали такую чудную вещь! – искренне вырвалось у меня.

– Какую?

– «Ночь в лагунах».

– Э, полноте, это слабейшая... Я не профессиональный поэт, я романист. Ну, так, видите ли, я пишу много и пишу сильно и хорошо. Я это и сам чувствую, чувствуют и другие. А знаете ли почему? Я пишу тогда только, когда мне хочется, когда нахлынет волна вдохновенья и нет сил с нею справиться, когда душа ноет и томится от чего-то неясного и ожидая чего-то хорошего, светлого, крупного!

Он говорил горячо, взволнованно. Его глаза блестели ярче.

«Зачем он говорит мне все это, со второй встречи знакомства? И что может быть общего между мною и им?»

– Сергей Вадимович, – начала я нерешительно, – зачем вы мне это говорите?

Он посмотрел на меня недоумевающе, как бы проснувшись и увидя меня впервые.

– Зачем, – переспросил он как бы бессознательно и после минуты молчания добавил, – право, не знаю, но мне показалось, княжна, что вы лучше, нежели кто-либо другой, поймете меня, потому что вы такая светлая и чистая душа, такая чуткая и хорошая! Очень хорошая! – подтвердил он серьезно.

Мое сердце забилося радостно.

Ведь вот же нашелся человек, заметивший мою душу, несмотря на мое уродство! И я почти счастливая вернулась домой.

IX

Тася, ты знакома с Водовым? – спросила как-то Лили, заехав ко мне перед уроком верховой езды, который она брала в манеже.

– Почему ты знаешь?

– Тебя видели разговаривающей с ним на набережной, не помню кто, кажется, Вива. Но не в этом дело... Видишь ли, Тася, папа устраивает музыкально-вокальный вечер на днях в пользу бедных. И ей хочется, чтобы на нем участвовал Водов, он очень хорошо читает стихи. Мама и я желали бы, чтобы он прочел что-нибудь... Это в пользу приютов. Мы не знакомы с ним; напиши ему ты от имени мамы.

– Но, Лили, – искренне возмутилась я, – ведь нельзя же его нанимать, как тапера!

– Вот глупости! Никто его и не собирается нанимать, дурочка, он должен быть очень счастлив, мы делаем ему честь, приглашая его на наш великосветский вечер. Наконец, ему заплатят за это!

– Но ты пойми, Лили, Водов ничего не возьмет, ему и предлагать нелепо...

– Да ты и не предлагай. Просто попроси его участвовать... Ведь это для бедных.

– Ну, и участвуй сама, – почему-то обиделась я, – а беспокоить знакомого мне человека, да еще с таким большим именем – не рискну. Попроси тетю написать ему. Мне неловко.

– Ну-ну, милая Тася, – залепетала она, обнимая меня и целуя нежно. – Пожалуйста! Сделай это для меня и для мамы. Очень, очень прошу тебя! – и она ласково трепала меня по щеке душистой ручкой и умильно, по-кошачьи, заглядывала мне в глаза.

Лили была красива, так красива, что отказать ей не было никакой возможности. Я смотрела в ее прелестное лицо восторженными глазами и тут же обещала ей написать Водову во что бы то ни стало.

К тому же ведь и для меня его присутствие было бы далеко не безразлично. Последнее время я только и думала о нем.

Прошло две недели с нашей встречи на набережной, но вся она до малейших подробностей оставалась в моей голове. Я была теперь бесконечно благодарна ему за его сердечную беседу. Еще бы! Ведь, никто еще, кроме покойного отца, не говорил так со мною! Все люди – и молодые, и старые – не могли не смотреть на меня с откровенной жалостью или некоторым любопытством. А этот, красивый, добрый, талантливый и лучший, может быть, из людей человек, отличил меня, заглянув мне в душу. Свободно и просто, как с товарищем, поделился он со мною своим настроением. И при этом не было ничего обидного в его глазах, смотревших на меня просто и серьезно. Я часто замечала, как преувеличенно быстро бросалась наша светская молодежь оказывать мне ничтожные услуги: поднять уроненный мною платок или подставить стул. Они старались как будто доказать этим, что ничуть не замечают моего отличия от светских красавиц, и тем только еще более подчеркивали мое безобразие.

Однако, я позабыла о том, что я дурнушка, в ту минуту, когда писала на изящном листке, украшенном гербом князей Горяниных, записку Водову по просьбе Лили.

Ответа я не получила, только, заехав как-то к старику-редактору, я услышала от него, что Водов будет читать на вечере кухни.

Х

Концерт моей второй тетки, жены моего родного дяди, и матери княжны Лили удался на славу.

Большой зал собрания был переполнен самой изысканной публикой столицы. Тут и там между тюлевыми и газовыми, залитыми пальетками и золотом туалетами мелькали не менее их нарядные и блестящие мундиры. Сдержанный говор и запах дорогих духов парили в воздухе.

Кузен Вива со значком распорядителя на плече встретил нас у входа и, подав руку tante Lise, провел ее в первый ряд кресел. Тетя не хотела отказать себе в удовольствии посмотреть на свою племянницу и любимицу Лили, подвигающуюся в этот вечер на эстраде в качестве актрисы-любительницы.

– *Vouyons! voyons!*⁴ – твердила она поминутно, величественно кивая направо и налево своим многочисленным знакомым.

Я, уничтоженная, по обыкновению, одним видом моего бального туалета, еще более подчеркивающего безобразие лица и фигуры, сидела с опущенными глазами, стараясь не смотреть и не видеть всей этой нарядной и чуждой мне толпы. В то время, как я смущенно теребила длинные концы шелкового пояса, кто-то неслышно подошел ко мне, встал перед моим креслом и произнес, протягивая руку:

– Простите, что я не ответил вам письменно, а передал через третье лицо о том, что выступлю в качестве декламатора на вашем вечере. Но у меня были на то особые причины. Мы поговорим о них после, а теперь не будете ли добры представить меня княжне, вашей тетушке.

Я угадала, чей это был голос, не поднимая глаз на говорившего. Я не посмела взглянуть ему в глаза, потому что радость, охватившая меня, непонятная мне самой, радость от одного его присутствия в этом зале, была слишком очевидна на моем лице. И я машинально исполнила желание Водова, представив его tante Lise.

– Я читаю в последнем отделении концерта, – сказал он, – а пока, если позволите, посижу с вами.

С этими словами он непринужденно опустился на соседнее не занятое рядом со мной кресло. Тетя, занятая в это время разговором с женою знакомого консула, ответила на почтительный поклон представленного ей мною Водова и тотчас же возвратилась к прерванной беседе.

– Благодарю вас, что не отказались читать в этом концерте, – проговорила я, решившись, наконец, взглянуть на моего соседа.

Он был в изящном фраке с широким вырезом на груди и нарциссом в петличке. Его добрые черные глаза ласково-дружески смотрели на меня, как бы ободряя.

– Что вы хотели мне сказать по поводу моего приглашения? – спросила я, помолчав немного.

– То есть вы хотите знать, иначе, – рассмеялся он, – почему я не ответил вам на вашу записку письменно?

– Ну, да, – не могла я не улыбнуться и тотчас же сделала испуганное лицо, зная, что улыбка мне не идет вовсе.

– Видите ли, княжна, – начал он серьезно, – я не писал вам ничего, потому что хотел сказать вам слишком много. Постараюсь быть кратким и точным, насколько умею... Вы и эта великосветская забава – хотя бы в пользу бедных – что у вас общего? Я не понимаю благодетельствовать беднякам таким образом. Ведь тут играет большую роль само развлечение, а не желание помочь беднякам. Ведь устройство такого концерта возьмет немало денег, а не лучше

⁴ Посмотрим! Посмотрим!

ли было бы эти деньги просто собрать среди богатых добрых жертвователей и передать их бедным людям. А тут устраивается концерт, на котором веселятся сами благотворители, совершенно позабыв в эти минуты о цели этого концерта. Я знаю, что вы поняли меня. Вы не от мира сего, княжна, вы не подходите к ним, к этой среде. Девушка, написавшая такую вещь, как ваш «Сон», не может быть заурядным светским созданием. Вы обладаете талантом, поднимающим вас выше этой толпы, – и он небрежным и красивым движением головы обвел зал.

Точно душистый фимиам потянулся ко мне со всех сторон и окутал меня своим благоуханным туманом. Я слушала Водова, не смея поднять глаза, боясь встретить насмешливую улыбку соседей... И боялась совершенно напрасно, потому что все взгляды были обращены на эстраду.

Там, *entre les deux paravents*,⁵ среди корзин с живыми цветами должна была сейчас разыграться веселенькая светская безделка одного из модных французских авторов. Оркестр проиграл прелестный вальс, последнюю новость сезона, и Лили неожиданно вбежала на эстраду.

Ее чуть-чуть загримировали ради условий эстрады, и она казалась прехорошенькой девочкой. Костюм субретки удивительно шел к ее типу: коротенькая юбочка обнажала стройные ножки в туго натянутых шелковых чулках. Белый чепчик, изящно наколотый поверх пышной прически, удивительно красил ее головку. Играла она очень мило, стараясь подражать какой-то актрисе, виденной ею не раз во французском театре. Все это было ново и забавно, и ей усиленно аплодировали, особенно из первых рядов, где сидели наши родственники и знакомые.

Наконец, Лили и Кити, изображавшая хозяйку Лили по пьесе, ушли с эстрады под гром неистощаемых аплодисментов.

Их сменила приглашенная певица, потом артист, игравший на скрипке и, наконец, очень талантливая пианистка, игрою которой и закончилось первое отделение.

В антракте Водов извинился и покинул свое место рядом со мною. К нам стали подходить наши многочисленные знакомые и завязался обычный пустой светский разговор, к которому я все еще не могу привыкнуть, как это ни странно.

Началось второе отделение концерта, и Водов вышел на эстраду.

Не знаю почему, но сердце мое дрогнуло.

Он обвел публику спокойным взглядом и начал свою декламацию.

Это были стихи, которых я не встречала еще в печати, очевидно, не выпущенные в свет, чудесные и мелодичные, как музыка.

В них говорилось о том, как молодой поэт читал свою поэму во дворце короля. Вокруг него толпятся вельможи и рыцари. Прекрасные дамы, в драгоценных уборах, дарят ему свои улыбки. Сам король, маститый старец, сходит с трона, чтобы воздать должное молодому артисту. Но он ничего не видит, ничего не слышит. Ему не нужно похвал нарядной толпы, не нужно льстивых улыбок холодных красавиц... В самом отдаленном углу зала сидит его дорогая. На ней нет драгоценного убора, ни нарядного платья, но ее приговор дороже ему и милее льстивых речей первых красавиц королевства. Она поймет его поэму лучше всей этой суетливой и льстивой толпы, потому что сама она слагает песни, любимая музами не менее самого поэта. Он пробирается к ней через шумную толпу гостей, берет ее за руку и говорит ей, что она – избранница его сердца...

Водов кончил, а я все сидела, как приговоренная к смерти, боясь вникнуть в смысл только что прочитанного, боясь поверить своему счастью.

⁵ Между двумя ширмами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.